

Гу Сань, постукивая по бокалу, с чувством произнес:

— Лэ Юй, Лэ Юй, на этот раз я вошел в столицу в белых одеждах, чтобы выразить покорность императору, но также и ради встречи с тобой. Начав с белых одежд, я ими же и закончу. За двенадцать лет я дважды надевал белые одежды ради тебя. Все эти годы я старался избегать вражды с тобой. Павильон Весеннего Дождя и Остров Пэнлай пересекаются в торговле и каналах информации, но это не страшно, если мы оба уступим и будем терпимы друг к другу. Но теперь избежать конфликта уже невозможно... — Его голос звучал ясно, но в словах чувствовалась глубокая печаль.

Лэ Юй, с острым взглядом, поднял бокал и сказал:

— Редко встретишь такого выдающегося человека, как ты, готового дважды надеть белые одежды ради меня. «Теперь» мы по-прежнему остаемся друзьями на всю жизнь. Завтра нас разделят горы, и судьбы наши разойдутся. «Теперь» мне жаль лишь того, что у меня нет подарка, который бы превосходил три горы и четыре моря, чтобы достойно выразить нашу дружбу и поздравить тебя с браком.

Гу Сань закрыл глаза, поднял бокал и, улыбаясь, выпил с ним до дна. Поставив бокал, он повторил его слова:

— «Редко встретишь такого, как я, кто дважды надел белые одежды ради тебя». В будущем, даже если ты проиграешь мне, ты не должен сожалеть. Мне не нужен твой подарок, я лишь прошу об одном: когда нам придется сражаться, я не буду щадить тебя из-за прошлой дружбы, и ты тоже не должен щадить меня. Независимо от исхода — мой лучший друг на всю жизнь, не ненавижь меня.

Тем временем за стенами дворца, под руководством придворной дамы, из бокового зала Дворца Бессмертного Долголетия вышел красивый монах. Он был облачен в роскошную монашескую рясу яркого цвета, и это был ученик мастера Сыханя, Шаньжэнь, который сопровождал принцессу Яньцин в Сад Гэнье.

Внутри дворца, украшенного резьбой и росписями, множество служанок украдкой разглядывали его, но он оставался спокоен, медленно шагая вперед. Увидев вдалеке фигуру, его сердце дрогнуло, словно он упал с облаков. Схватив четки, он подождал, пока тот подойдет, и оказалось, что это князь Цзинчэн Сяо Шанли, который сказал:

— Благодарю мастера за чтение сутр для моей матери.

Шаньжэнь склонил голову:

— Наложница Жун восхищается глубиной «Хуаянь-сутры» и очень рада. Ваша сыновья почтительность создала карму с буддизмом, и я чувствую себя чрезвычайно удостоенным.

Сяо Шанли произнес:

— Мастер, пройдемся со мной.

Шаньжэнь вынужден был последовать за ним.

За пределами павильона, над прудом извивался арочный мост, по которому шли служанки с серебряными подносами, покрытыми тонкой тканью. Сяо Шанли снял ткань, и на подносе оказались свежесрезанные пионы. Он сказал:

— Моя мать была принцессой династии Чжоу, а Чжоу верили в буддизм. Неужели мастер забыл об этом за несколько десятилетий?

Он взял один из белых пионов, который был в полном цвету, и продолжил:

— Этот цветок красив, но в сердце моей матери он не сравнится с удумбарой из дворца Чжоу. Династия Чжоу считала удумбару символом удачи и чуда. «На санскрите это называется Удумбара, что означает „благоприятный и чудесный“. Это цветок небес. В мире его нет. Когда Будда нисходит на землю или появляется золотой колесный царь, благодаря великой добродетели, этот цветок появляется».

Держа цветок в руке, он говорил о прошлой династии, и Шаньжэнь испытывал страх, молча отвечая, но в то же время в его душе поднималась смелость, которая едва не нарушила ясность его ума, достигнутую долгими аскетическими практиками. В этот момент Сяо Шанли улыбнулся и спросил:

— В Южной Чу осталось четыреста восемьдесят храмов. Сколько из них еще действуют?

Шаньжэнь с грустью ответил:

— Большинство старых храмов заброшены, сейчас действуют лишь около ста.

Несмотря на красоту цветка, Сяо Шанли раздавил пион и сказал:

— Я слышал, что если мать верит во что-то, сын должен поддерживать это. Если мать верит в буддизм, сын должен строить храмы. Если мать станет самой важной женщиной в стране, матерью императора, что стоит восстановить четыреста восемьдесят храмов? Чтобы проявить сыновнюю почтительность, не говоря уже о восьмистах сорока, даже восемь тысяч четыреста храмов не будут сложной задачей.

Шаньжэнь отшатнулся и воскликнул:

— Ваше высочество!

Его лицо мгновенно изменилось, а Сяо Шанли, с глазами, черными как смоль, холодно взглянул на него и сказал:

— Я помню, как в десять лет впервые встретил мастера, и вы рассказывали мне истории из буддийских сутр. В прошлом великие мастера и монахи, проповедовавшие учение в Китае, не щадили себя, не боясь погрузиться в грязь. Если не войдешь в мирскую грязь, как сможешь спасти всех живых существ? Сейчас мастер Сыхань ушел в затворничество и не вмешивается в

мирские дела. Поскольку вы его главный ученик, многие вопросы можно решать от его имени.

Богатство, красоту и славу он мог отвергнуть, но распространение буддизма и спасение всех живых существ было его главной целью. Как он мог остаться равнодушным? Это лицо, прекрасное, как цветок, могло соблазнить даже богов в ад. Шаньжэнь то холодел, то пылал, словно замерзший, и перед его глазами были только губы и глаза, которые, казалось, можно было коснуться... Он вздрогнул, отступил на несколько шагов и, словно падая, опустился на колени:

— Позвольте мне, ваше высочество, подумать.

Сяо Шанли поднял его:

— Мастер, встаньте. Вы можете обдумать это, я не откажусь от своих слов.

Затем добавил:

— В последнее время я словно проснулся от долгого сна, и многое изменилось. То, чего я боялся раньше, больше не пугает меня. То, чему я раньше преклонялся, теперь хочу контролировать. И еще один вопрос, мастер: в битве в Саду Гэнъе, вы считаете, что глава Острова Пэнлай сошел с пути, чтобы победить нескольких младших гроссмейстеров? Как в мире боевых искусств поступают с теми, кто впал в демонический путь?

С другой стороны, после того как Гу Сань ушел, Лэ Юй посидел некоторое время, но никто не приходил. Взяв кувшин с вином, он отправился в заднюю каюту, где увидел Инь Усяо, сидящего за ширмой и разыгрывающего теневой спектакль. Тень, изображающая ученого, говорила:

— Я отдал тебе свадебный контракт, и в моем сердце больше никого нет. Когда мы состаримся и станем седыми, мы уйдем вместе, и перед тем, как выпить суп Мэнпо, мы поклянемся, что в следующей жизни снова будем вместе.

В этот момент он бросил тень и, словно обессиленный, опустил глаза, его лицо было спокойным, без слез и улыбок.

Лэ Юй спросил:

— Ты в порядке?

Тот, обхватив колени, просидел мгновение и сказал:

— Когда смотришь много спектаклей, хочется самому сыграть. Но сколько ни играй, всегда остаешься один.

Его лицо улыбалось, но слезы текли по щекам. Лэ Юй, видя его страдания от любви, вспомнил о Сяо Шанли и сжал бокал:

— Когда я впервые встретил тебя, я сказал, что избавиться от тоски можно только состарившись или умерев. Тогда я был слишком самонадеян, не понимая, что любовь не имеет решения.

Он протянул ему бокал, и Инь Усяо взял его, сказав:

— С этого дня больше никогда не упоминай его.

Долго смотрел на вино, наконец поднял лицо и спросил:

— Кстати, ты сошел с пути?

Лэ Юй протянул руку, коснувшись его бокала, и ответил:

— Да.

За четыре дня Гу Сань представился императору Чу, Сяо Шанли организовал Управление Чуйгун, Лэ Юй перемещался между Гильдией морской торговли и кораблем за городом, а срок выбора жениха принцессы Яньцин на Террасе Феникса приближался. До назначенного дня она была занята и не могла отлучиться, но отправила письмо Лэ Юю. В письме, написанном простыми словами, чувствовалась сила, как будто она, выросшая в глубинах дворца, была женщиной, но ее слова звучали как сталь и железо. Она писала, что, несмотря на всю горечь и печаль, выбор жениха на Террасе Феникса стал для нее свадьбой. Она была «одна, вдали от родины, без родных», и только Лэ Юй был для нее как старший брат.

Терраса Феникса была построена из наньму, и в этот день она была украшена красными украшениями. Молодые аристократы в роскошных одеждах и на прекрасных конях собрались у подножия. Император Чу и наложница Жун не присутствовали, но подарили тысячу персиковых деревьев. Как в мае могли быть персики? Персики были розовыми, как облака, и когда дул восточный ветер, лепестки качались, словно их срезали с деревьев и прикрепили к ветвям, окружая террасу. У подножия был пруд, и в сотне шагов от берега плавали множество фонарей.

Молодые аристократы думали, что принцесса Яньцин будет проверять их навыки верховой езды и стрельбы, но с обеих сторон террасы были расположены три ряда сидений, за занавесками которых служанки с музыкальными инструментами играли дворцовую музыку. Евнух, похожий на управляющего, лет пятидесяти, медленно вышел, за ним две строки служанок в одеждах дворца У, каждая с подносом, на котором лежали кисти и чернила. Евнух поклонился и, улыбаясь, сказал:

— Правила выбора жениха на Террасе Феникса установлены принцессой Яньцин. Прошу вас объехать террасу три раза на лошади, выстрелить в один из фонарей. Фонари имеют более десяти узоров, но принцесса предпочитает сливу. К сожалению, в наши дни нет хороших стихов о сливе. Вам нужно выстрелить в фонарь с узором сливы, затем найти два стиха о сливе, написать их и представить принцессе. Время ограничено одной палочкой благовоний. Выбранный жених получит ответ от принцессы.

<http://bllate.org/book/15272/1348092>